

Анна

Сон, каждый раз один и тот же сон.

«Да сколько же можно-то?»

Аня проснулась вся в поту. Этот сон снился ей часто, вот уже на протяжении нескольких лет. Старая, полуразвалившаяся церковь, лики с икон смотрят в самую душу, аж холодок внутри. И рассказать-то кому страшно, не так поймут ещё.

В церкви Аня была единственный раз в своей жизни, когда ей было восемь лет. Они с матерью заезжали в село Сухобузимское, Аня уж и не помнила, что они там делали, но накануне мать потеряла ребёнка, которому едва исполнилось несколько месяцев от роду.

— Мам, а что мы делали в Сухобузимо, в церкви, ты не помнишь? — спросила она вечером мать.

Мария только горестно вздохнула, но ничего не ответила.

Испытыв множество лишений в своей жизни, эта женщина замкнулась в себе и редко проявляла какие-либо чувства. Муж её, Сергей, помер от дизентерии ещё до войны, а детей в живых осталось лишь несколько человек. Остальные, а было их одиннадцать, давно уж умерли — кто в младенчестве, а кто с войны не вернулся. Жизнь была, да и оставалась до сей поры, трудной. Анна, дочь, жила при ней, дочь Мария и ещё двое сыновей жили в Красноярске со своими семьями. — Ну вот, мама, опять ты молчишь.

Аня давно уже ничего не ждала от матери. Ей, как и в детстве, не хватало материнской любви, ласки, нежности. Но мать, видимо, не понимала этого, да и не считала нужным проявлять свои чувства.

— Ты бы пошла корову подоила.

— Да, мама, сейчас, иду уже.

Взяв подойник и чистое полотенце, она выбежала на улицу. Пахло свежескошенной травой, на небе повисла чёрная тьма — собиралась гроза. «Ой, батюшки, а где ж Чернуха-то?»

— Валентина, а ну давай беги за коровой.

Аня прокричала на всё село:

— Чернуха! Чернуха!

Вдали, откликнувшись, замычала корова. Валентине даже встать не пришлось. Она сидела на крыльчке, чистила грибы, которые принесла из леса.

«Совсем ещё ребёнок, — подумала Анна, — и не растёт почти: уж десять лет, а она всё как Дюймовочка».

Маленькая и тихая Валентина была похожа на свою бабушку Марию. Такая же неприметная и малопривлекательная, только без платочка на голове — вечного атрибута бабы Мани.

Окинув дочку недовольным взглядом: опять вся перепачкалась, — Анна пошла загонять подошедшую Чернуху.

Сарайчик вот-вот завалится, корова прошла туда, едва не сняв крышу на рога. Кругом царило запустение. Да и откуда порядку-то взяться? Мужик-то, Михаил, не вернулся с войны, дочь росла безотцовщиной.

«Дай, Господи, сил довести до ума единственное дитя».

С этими мыслями Анна плюхнулась под корову. Табуреточка, разохшаяся от времени, едва держалась, но Аня была лёгкой, как пушинка, и при всех тяготах, выпавших на её долю, она оставалась неисправимой мечтательницей. Мужа она давно уж оплакала, а выйти замуж снова оставалось только мечтать, и Аня мечтала.

Но в деревне и взглянуть не на кого было, только дедки да инвалиды, которые вернулись к своим жёнам, а тем и такие были в радость. Корова тихонько фыркала, травы она наелась вволю, весь день паслась, стояла, послушно помахивая хвостом, отгоняя комаров от себя и от Анны.

Цик-цик-цик — и вот уже пена доходит до краёв ведра. Помассировав вымя ещё пару минут, Анна поднялась и пошла к дому. Процедила молоко, дала дочке напиться и занялась домашними делами. Нужно было ещё порезать грибы да повесить их на просушку. Какая-никакая, а еда, зимой всё сгодится.

— Мама, я спать пошла, спокойной ночи.

— Да, иди.

Анна воспитывала дочь в строгости; не получившая ласки и любви сама, она не могла дать её и дочери.

— Завтра я пойду устраиваться на работу. А ты утром иди помогай бабушке картошку копать.

— Хорошо, мам.

Комнатка была совсем небольшая; вообще дом состоял из одной комнаты, но двух квартир. За стеной в соседях жила Мария, мать Анны.

Из мебели только две кровати, да стол с табуретками, да ещё сундук. Вот и весь быт.

Анна отлила в крынку молока, понесла матери. У Марии было темно, Аня поставила молоко в сених и пошла прогуляться по улице. Улицы в Павловщине были широкие, просторные. Из дворов кусты, деревья прямо на дорогу вываливаются листвой. Небо постепенно затягивало, накрапывал дождь.

«Ничего не поделаешь, пойду спать. Утром вставать рано».

Анна зашла в дом. Валентина уже спала сладким сном. А Анна боялась спать панически. Почему ей эта церковь не давала покоя? Может, о чём-то хотела предупредить? В Бога Аня не верила, хотя у Марии была маленькая иконка, которую она бережно хранила в сундуке, на самом дне, и доставала только по большим праздникам, на Пасху в основном. Несмотря на всеобщий советский атеизм, Пасха справлялась всегда, пусть негласно, непышно, но на булочки всегда припасали продукты.

Наскоро сполоснувшись в тазике, Анна всё-таки легла спать. В эту ночь ей впервые ничего не снилось.

Утром ни свет ни заря Анна поднялась, подоила корову, выпустила:

— Иди, Чернуха, гуляй. Тебе нужно сил набираться на зиму.

В который раз Анна вспомнила, что сена на зиму мало наготовили в этот год. Тяжело ей было одной, мать уже не помощница, слабая совсем, а Валентина мала ещё, да и по дому ей хватало работы. За день всё девчонка успевала: и обед приготовить, и бельё постирает, а про посуду и полы и говорить нечего — это были её каждодневные обязанности. А не так что сделает, не дай Бог, где пылинку оставит, так тут же от матери оплеух наполучает. Жалко Анне было девку, да куда ж деваться-то, жизнь — штука сложная, пускай привыкает.

Анна шла по улице к реке. Незаметно подкрадывалась осень, и хотя был ещё конец августа, на деревьях уже кое-где проблёскивали жёлтые листочки. Сибирь — суровый край. Уже начинались первые заморозки по ночам, но днём всё так же нещадно пекло.

Солнце взошло, отдавая своё тепло, нежно играя на домах своими световыми бликами. «Господи, как хорошо-то! Какое же это счастье — жить!»

Первый день на работе прошёл ничем не примечательно. Аня потихоньку училась управлять небольшим хозяйством, изредка приходили гружёные баржи или рыболовецкие суда.

Домой возвращалась уставшая, и жизнь уже не казалась такой радужной, как утром. Нужно было ещё корову загнать, подоить.

— Как дела, Валентина?

— Да хорошо, мам. Картошку начали копать. Как твоя работа?

— Ничего, привыкну, справимся. Чего полы плохо помыла?

— Да где же плохо? Всё вроде бы чисто!

— Да вон, посмотри, в углу мусор какой-то.

Дочь, вздохнув, взяла тряпку, пошла по новой протирать полы, иначе мать задаст жару опять.

Денёк выдался жаркий, Аню мучила сильная жажда, она подошла к бачку в коридоре налить воды и увидела его! Всё поплыло у неё перед глазами.

— Николай!

— Что?

— Николай, говорю, меня зовут. А вас как?

— Анна, — сказала как выдохнула — и быстрее с глаз.

Вечером, добираясь с работы домой, она услышала шаги за спиной и, не поворачиваясь, поняла, что это он.

— Разрешите, я провожу вас до дома?

— Да уж всё равно идёте, — только и нашлась что сказать Анна.

В её жизни, кроме мужа Михаила, других мужчин-то и не было, да и с ним она прожила несколько лет до войны, не успела ни налюбоваться, ни намиловаться.

А Николай — просто красавчик, глаз невозможно отвести. Ещё до встречи с ним Анна слышала про молодого повесу. Говорят, что он женат, а здесь на заработках и ни одной юбки не пропускает.

Молча дошли до Анютино дома.

— Ну вот мы и пришли. Всего хорошего, — сухо обронила она. — Завтра увидимся.

Валентина увидела в окно мать с молодым человеком, и почему-то сильно заколотилось сердце. «Ох, не к добру это», — подумала девочка.

— Кто это, мам? — спросила она вошедшую Анну.

— Не твоё дело. Покорми меня. Коровы пришла?

— Да, стоит, мычит. Что, не слышала?

— Как ты с матерью разговариваешь?

Где ей было услышать Чернуху, когда она ног-то под собой не видела?

Валентина приготовила на ужин свежей картошки с укропом. Анна поела с аппетитом, как будто ничего вкуснее раньше не ела, запила всё простоквашей вприкуску с лепёшками.

— Ты у бабушки была?

— Да она сама заходила. Лепёшек напекла свежих: ты поела?

— Конечно. Как картошка? Удалась нынче?

— Да ничего, мелкой почти нет.

— Ну и ладно, на выходные докопаем. Пошла я в стайку.

— Привет, Чернуха. Ну как ты тут, моя хорошая? — разговаривала Анна с любимицей, пока обмывала вымя. — Ну что же мы такие несчастные-то? Каким же ветром нас занесло в эту Сибирь? От комаров и мошки ни днём, ни ночью проходу нет. Вон и у тебя вся шея покусана.

Слепни уже оставили свои следы на шее и спине, оводы позабрались под шкуру и отложили личинки, скоро вся спина коровы покроется бугорками. — Кормилица ты наша, что бы мы без тебя делали-то? Как бы выжили?

Напоив корову и почистив сарай, так как утром не успела, Анна пошла во двор, села на лавочку возле берёзы. Ветерок обдувал её нежную кожу. По девичьи тонкий стан и упругую высокую грудь обтягивало давно уже изношенное серое платье. Опять нашла тоска, стало жалко себя, свою нестроенную личную жизнь. По щеке потекла тихая скупая слеза. Плакала Аня редко, при всей своей хрупкости она была очень сильной духом. Только и утешало, что не она одна так живёт, в послевоенное время мало кому жилось хорошо. Освободив и очистив душу слезами, она пошла спать. В эту ночь ей опять приснилась старая церквушка, Богородица нежно смотрела на неё с иконы, будто жалея.

Жизнь понеслась, закрутилась, в сердце неожиданно ворвалась любовь. С Николаем всё у неё сладилось быстро. По выходным, когда его соседи по общежитию разъезжались домой, она бегала к нему вечерами, прячась от людского глаза, огородами, но в деревне не скроешься от любопытных глаз. Люди косо поглядывали на Анну, осуждали, а может, и завидовали: такой красавчик, да ещё моложе на пару лет. Один недостаток был всё же у него: женат да с детьми. Но Аннушке было всё равно, что люди говорят. На каждый роток не накинешь платок.

«Сколько её, той жизни? — рассуждала она. — А с той семьёй Николай сказал, что покончил отношения. Да и на выходные он никуда не уезжал».

Постепенно люди попривыкли к их отношениям, и Николай перебрался жить к Анне в дом, к всеобщему недовольству Валентины и матери Анны, Марии.

Наступила зима. Длинными холодными ночами Анюта прижималась к Николаю под предлогом погреться, а сама надыхаться им не могла, как будто предчувствуя своё недолгое счастье.

По дому Николай мало чем им помогал: дров наготовил на зиму, и ладно. Так и жили потихоньку, пока не грянула гроза среди ясного неба. В январе месяце Анна поняла, что понесла. Мать уже заметила её состояние и только осуждающе смотрела, ничего не говоря. Да и что тут скажешь? Связалась с женатым, только и жди, чего доброго, что сбежит. На чужом несчастье счастья не построишь.

Анна не переживала: как-нибудь сладится, ведь любимый рядом. Прошло уже два месяца, она испытывала жуткий токсикоз по утрам вперемежку с сильной изжогой, спала в основном сидя, чтобы не угореть от собственного жара, льющегося из желудка. Она держалась, но однажды заметила, что Николай стал куда-то отлучаться: сначала ненадолго, потом всё чаще и дольше, стал уезжать на выходные. На все вопросы только нечленораздельно мычал что-то, потом-таки признался: — Жена родила недавно третьего ребёнка, надо возвращаться. Не могу же я их бросить на произвол?

— А как же я? Как же наш ребёнок?

— Ну что он у тебя — первый? Аборт сделаешь, ещё не поздно, делов-то.

— Уходи и никогда больше не возвращайся.

Николай молча собрал свои пожитки и ушёл. Больше она его никогда не видела.

Сердце Анны рвалось на части, душу обуревали сомнения, но, нареветшись вдоволь за ночь, она пришла к выводу, что от ребёнка нужно избавиться.

Утром она собрала узелок с чистыми вещами, оделась...

— Мама, ты куда собралась?

— Не спрашивай, дочь. Пойду я. Если не вернусь к утру, корову покормишь, да смотри: телиться начнёт — бабушку зови. Вдвоём, поди, управитесь...

— Мамочка, родненькая, что ты надумала? Не ходи туда, прошу тебя.

Валя хоть и мала была, да поняла, куда мать собралась — в соседнюю деревню, аборт делать, не иначе. Валентина упала на колени, обняла ноги матери, уткнулась в них головой и запричитала: — Мама, одумайся. Милая моя, бедненькая, я не пущу тебя. Пусть он родится, этот ребёнок, очень тебя прошу. Не убивай его. Чёрт с ним, с этим дядей Колей, без него справимся. Пожалуйста, ради меня оставь.

Анна подняла зарёванную дочь: ну куда ж деваться-то?

Прошла зима, а затем и весна промчалась. Летом, потихоньку передвигаясь, Анна ещё как-то управлялась с делами, даже бегала за коровой, та не хотела ходить домой. Телёнок почти всё высасывал, а зачем ей домой-то идти? Ляжет да и лежит в лесочке, в тенёчке. С наступлением осени Анюта уже кое-как переставляла ноги, а нужно было копать картошку, мать с Валентиной одни не справятся. Копали почти целыми днями напролёт, не разгибая спины. Мошка нещадно съедала, пот струился под грудью, ребёнок постоянно давал о себе знать — видно, тоже несладко ему там приходилось. Анна торопилась: вот-вот роды начнутся, а нужно ещё высушить всё и убрать. Седьмого числа они всё закончили, и Анна стала собираться

в больницу. Девятого числа она произвела на свет ещё одну девочку.

«Ну вот, ещё одна забота на мою голову. Для чего ты пришла в этот мир? Что ждёт тебя?» — думала она, глядя на девочку, когда ту принесли на кормление. За окном чирикали воробьи, предчувствуя холода, а на душе у Анны было пусто. Даже когда поднесла дочку к груди и та жадно зачмокала, она не испытала никаких эмоций: то ли усталость сказывалась, то ли депрессия наваливалась чёрной тучей.

Дома Валентина ожидала долгожданную сестрёнку, очень радовалась новому члену семьи.

— Мам, давай её Галей назовём. Я Валя, она Галя — похоже.

— Давай. Ты сможешь мне помыть её? Бельё приготовила детское?

— Да, мама, соседи на днях принесли пелёнки, распашонки. Я всё постирала. Ложись, отдохни. Я всё сделаю.

И проворная маленькая Валя засуетилась, забегала. Помыла сама Галинку, положила её рядом с матерью и пошла стирать грязное бельё, то, что мать принесла с больницы. Сколько сил таилось в этой маленькой девочке, но она была благодарна матери за то, что та подарила ей такое чудо.

Шли годы, жизнь лучше не становилась. Галина росла бойкой девчонкой, вечно носилась где-то всё лето напролёт. То на речку убежит и плюхается там весь день, то по заборам лазит. «Вот шельма неугомонная, — сокрушалась Анна, — бестолковая растёт совсем».

— Галя, иди сюда, покажу чего, — Анна возилась на грядках.

— Что, мам? Ой, это лягушка? А где у неё детки?

— Да какие детки-то? Лягушка случайно сюда забралась между грядками, а детки её вон там, в канаве, иди глянь.

— Пойдём покажу, — сказала Валя.

Она была всё такой же миниатюрной, Галина в свои семь лет уже догоняла её, девятнадцатилетнюю девушку. Но зато красотой Валю Бог не обделил: большие красивые глаза, густые шикарные волосы каштанового с кофейным оттенком цвета, уложенные в косы на голове, тонкие, но очень чувственные губы — присмотревшись, их можно было бы назвать даже пухлыми. От девчоночьей неприметности ничего и не осталось. Парни уж давно на Валентину заглядывались, но она не торопилась. Был даже ухажёр один, да, видно, не к душе.

— Валь, ну пошли уже быстрее, покажи, где эта лягушка деток бросила.

— Идём, идём, — проворчала сестра. — Вот, смотри.

— И что, это детки, что ли? Зёрнышки какие-то.

— Да не зёрнышки это, а икринки, которые лягушки откладывают.

— А детки где? — не унималась Галина.

— А вот когда созреют эти яйца, детки и появятся.

— Ну это сколько ждать ещё?

Но тут Галину заинтересовали воробьи на заборе, и она бросилась со всех ног к забору, но пока забиралась, воробьи с шумом разлетелись.

— Ух, неугомонная, — снова проворчала Валентина. — Пойдём есть, я сырники пожарила.

Сырники Галя любила и поплелась за сестрой в дом.

Мать целыми днями пропадала на работе. Валентина тоже работала, она устроилась сопровождающим в почтовый вагон и целыми неделями колесила по стране. С наступлением холодов Галю оставляли дома одну. Мать закрывала её под замок и уходила на целый день. Почему-то с бабушкой её не оставляли. Та вообще никакого участия в её воспитании не принимала.

Короткими морозными днями даже в окно было не выглянуть. Окна замерзали насквозь. Печку Анна с утра протапливала, весь день было более или менее тепло, но под вечер Галину начинал колотить озноб. Тогда она забиралась на печку и грелась там. О чём думала эта бедная девочка, одному Богу известно. Так и проходило её детство. В школу её не взяли, потому что ей семь лет исполнилось только в сентябре. Мать приходила с работы уставшая, раздражённая.

— Ты ела что-нибудь? Сейчас печку растоплю, и будем ужинать.

Управившись со всеми делами, Аннушка еле доползала до кровати. А дочка весь день одна, даже поговорить-то не с кем.

— Мам, а мам, расскажи мне сказку.

— Сказку? Да я же тебе уже все сказки порассказывала, — прошептала полусонная Анна.

— Мама, ну пожалуйста, а?

— Ну ладно, слушай. Жила-была одна маленькая девочка. И не было у неё ни мамы, ни папы.

— А где она жила-то, мам?

— Да уймись ты, слушай дальше. Жила она в сказочном лесу, где никогда нет снега. Солнышко светит ярко-ярко, тепло, хорошо там. С утра девочку согревало солнышко своими нежными лучиками, даря ей свою любовь. На лугу пели птички, охраняя в траве свои гнёзда. Над цветами порхали бабочки, стрекозы. Но как-то прилетел огромный орёл, распугал всех птах, но не они были ему нужны.

— А кто ему был нужен, мамочка?

— Нужна была ему маленькая девочка, по имени Галка. Орёл был волшебником и превратил Галку в птицу. И полетели они за моря, за высокие горы, в тридцатое царство. А там орёл превратился в прекрасного принца и женился на Галке. И стали они жить дружно и счастливо. У них всегда было много еды, красивой одежды. Весь двор утопал

в цветах, повсюду росли диковинные фрукты: апельсины, мандарины.

Галина аж чуть слюной не подавилась — так красиво мама рассказывала.

— Мам, а что это за мандарины такие?

Но Анна уже спала, а Галя, довольная тем, что героиня сказки носила её имя, тоже сладко засопела.

Так бы они и жили дальше, но Анна всё чаще стала болеть: то простуда, то ещё хворь какая. Стала болеть грудь. Однажды, надавив на грудь, Анна увидела, как что-то серое потекло из соска, похожее на гной. Дождавшись старшую дочь, она поехала на обследование в Красноярск.

Там она остановилась на ночлег у брата Василия. Он с женой Марией жил в частном домике на Красномосковской улице. Домик был такой же, как и у Анны, только к имеющейся комнате Василий достроил сени, кухню и спальню для девочек. У них с Марусей было трое девчат. Марусей все близкие звали Марию. Видимо, надо было как-то их различать: бабушка Мария, сестра у них Мария.

Семья у Василия была крепкая, дружная. В жене и дочках он души не чаял. Маруся держала в руках его, детей, да и всю родню.

— Ну, рассказывай, сестра: чего приехала? Аль беда какая? Как там мама?

— Да помаленьку, прибаливает, старая уж, чего там. А вы тут как?

— Да тоже потихоньку, живём — хлеб жуём!

— Я в больницу, Вась, на обследование отправили. Вот с утра и поеду. А там уж как будет, — Аня не любила показывать свой страх на людях, даже перед братом она не расчувствовалась.

Пройдя все процедуры, словно круги ада, Аня узнала, что у неё рак и нужно лечиться, пока не поздно.

«Не поздно для чего?» — подумала она, выходя из больницы. Взглянув на голубое небо, она проглотила горький спазм, рвущийся из груди наружу. «Господи, за что мне всё это? Ведь и не жила ещё. Как я оставлю девочек одних, кому они нужны, Господи?» Но небо молчало, все ответы были глубоко внутри, только Аня их не видела.

Корову пришлось продать.

— Прости меня, родная. Не свидимся уж с тобой, служила ты нам верой и правдой, никогда не подводила. Стара уж стала: куда тебя определяют?

Проводив взглядом до поворота уходящую Чернуху, Аня вернулась в сарай. В углу, в оставшейся копёшке, она и дала волю чувствам. Тихо и беззвучно плакала Аня, уткнувшись лицом в солому, слёзы лились рекой, уходя в самые глубины Вселенной.

Забрав Галину, Аня поехала в город. Там она сняла квартиру в частном секторе у какой-то бабульки

и стала лечиться. Дни проходили совсем безрадостно. Галя ходила в школу, но то ли от перемены места, то ли от страданий, выпавших на их долю, ничего из своей школьной жизни она не помнила.

Аня постепенно угасала. Сделали операцию, грудь отняли, но и это не помогло, смерть уже нависла над ней своей тенью. Всё труднее приходилось Галине, матери нужно было помогать в обычных повседневных делах, даже помыться сама она уже не могла. Волосы у Анны были почти до пят, но стричь она их не разрешала. Валентина наведывалась только на выходные, в перерывах между работой, тогда и мыла мамины волосы.

— Галя, подойди ко мне, скажу чего.

— Что, мамочка?

— Иди к Василию, позови его, пусть придёт.

Галина стремглав помчалась через весь город к дому дяди Васи. Идти нужно было через всю Николаевку. Она шла, торопясь; конечно, она понимала, что мать не просто так её отправила, но повсюду было столько соблазнов! Вся Николаевка была усыпана ранетками. Повсюду росли деревья — и во дворах, и возле. Галина налопалась от пуза маленьких яблочек и постучала в калитку к родне. Никто не открывал, а ворота были высокие, ей не достать задвижку. Галя пробралась по палисаднику к окнам, постучала в закрытые ставни. Но тут прибежала Надя, двоюродная сестра, почти ровесница Галины, и отперла огромные ворота.

— Надь, позови дядю Васю.

— Да нет его дома, у соседей он, что-то празднует.

— Ну, пошли к соседям.

Надя довела её до соседнего дома, а сама побежала обратно.

— Дядюшка, пойдём, мама зовёт, плохо ей.

— Да, сейчас иду. Подожди немного на улице.

Сколько Галя там просидела, только дядюшки всё не было. Уж вечер наступил, ей бы домой бежать: как там мама? — а она сидит как вкопанная.

— Чего сидишь? — спросила подошедшая тётя Маруся.

— Да вот дядюшку жду, маме плохо.

Тётя Маруся расвирипела, в два шага она зашла в дом. Через минуту они уже шагали все вместе к Анне. Дядя Вася косо поглядывал на свою жену, боялся он её как огня, да и не пил в основном никогда, а тут случайно на огонёк зашёл да и засиделся за стопкой. Чувствовал, что вечером будет буря, но тихо, понуро шагал за Марусей.

— Мария, позаботься о моей Галинке. Умру я скоро, отдай её в детский дом. Валя не справится с ней, у неё своя жизнь, да и работа, по неделе дома нет. Кто за ней смотреть будет?

— Да не переживай, к себе заберём, — сказала сердобольная Мария, хотя у самой места едва хватало для своих детей.

— Нет, Манечка, говорю тебе, отдай в детский дом, там за ней присмотрят, исполни мою волю.

Галя лежала, отвернувшись к стене, на своей кровати, слёзы текли от горьких слов мамы. «Как в детдом? Почему?» От обиды на мать её захлёстывало гневом.

На следующий день Анны не стало.

Галина сидела у кровати матери. Та уже еле дышала, жизнь постепенно уходила с этого красивого и родного лица. Обидные мамины слова всё ещё стояли в ушах, Галя хотела задать маме вопрос, но, взглянув на мать, увидела только её последний вздох.

Она ушла тихо, без слёз и прощаний. Волосы ей Маруся с вечера распустила, и теперь по этим волосам, струящимся до самых ног Анюты, уходили какие-то мелкие насекомые—тонкой полоской, ровным рядком, как будто отряд.

Галина испугалась и побежала за соседкой.

На похороны собралась вся родня: братья, сестра, приехала Валентина из поездки и привезла с собой бабушку.

Внесли гроб, несколько минут постояли, прощаясь, потом понесли по улице, соблюдая дань последней дороге. Надя и Галина шли, громко причитая: то ли насмотрелись на скорбящих родственников, то ли просто сама процессия вызывала у них расстройство, но только ревели они на всю округу.

— А ну заткнитесь обе,—шикнула на них Маруся.— Вот бестии окаянные, разорались.

Галина

Дальше было всё как в тумане.

Сердобольная тётя Маруся позаботилась, чтобы Галину отдали не в детский дом, а в школу-интернат. Всю неделю Галина жила и училась там, а на выходные приходила домой. Теперь дом её родственников стал домом и для неё. Но, к сожалению, вторым. Гале пришлось привыкать к новым условиям жизни. Коллектив класса, школы—одно, а коллектив в интернате—другое. И там, и тут были воспитатели, учителя. С виду заботливые, но на самом деле такие же измученные жизнью, как и её мать, тётки.

Первый день в интернате показался Галине адом, ей казалось, что на неё со всех щелей смотрят любопытные глаза. Всем интересно знать, кто ты, как попал сюда. Многие дети были из неблагополучных семей. К лицам этих бедных детей навсегда прилип отпечаток неблагополучия. Таких детей всегда легко узнать. А Галя была чистенькая, светящаяся изнутри. Конечно, она была подавлена смертью матери, но в свои десять лет она оставалась живым ребёнком. У неё были горячо любимая сестра, которая обещала её навещать, и семья дядюшки. Но таких вот благополучненьких-то как раз и не любили в детском доме.

В первую же ночь она узнала все прелести совместного общежития. Девчонок в комнате было восемь человек. Весь вечер они не давали ей уснуть. Началось всё с того, что кто-то подложил ей под одеяло лягушку. Ничего не подозревающая Галина подняла одеялко, все приготовились уже к представлению, но для неё лягушки не были противными существами—вот если бы паука подложили, тогда бы точно насладились её воплями во всей красе. А так только ехидный смехок протянулся по комнате. Галя взяла лягушку и вышла в коридор, собираясь пройти на улицу, но в коридоре сидела злая вахтёрша.

— Куда собралась?

— Лягушку вынести на улицу.

— Какая улица? А ну быстро спать пошла. Ишь, расходилась тут как у себя дома. Выкинь её в ведро. Я утром вынесу на улицу.

Галя подняла на вахтёршу умоляющие глаза, но та была непреклонна:

— Иди, иди, а то утром накажу, оставлю тебя без завтрака.

Галя не знала, что вахтёрша не может ещё и завтраками заниматься, и поэтому, бережно опустив лягушку в ведро, пошла в комнату. Слёзы капали из глаз, но перед входом в комнату она растёрла их кулаком—не хотела, чтобы все видели, как она плачет. Показывать свою слабость на людях она не любила—наверное, от матери ей достался этот стержень.

Спать легла, когда все утомонились. Но, несмотря на это, утром, едва спустив ноги с кровати, она наступила на что-то липкое и поздно поняла, что падает. Какая-то зараза раздавила лягушку и положила ей прямо под ноги. Тут уже её нервы не выдержали, и она расплакалась—от боли, от унижения и от жалости к бедной лягушке. Ну и к себе, конечно. Все по-дурацки хохотали, только одна девочка не участвовала в общем веселье.

Галя подошла к ней, когда успокоилась.

— А ты чего такая грустная? Тебе тоже тут достаётся?

— Не обижайся на них, они добрые, только несчастные.

— И от этого такие злые?

— Да не злые, не переживай, просто не обращай внимания. Когда они поймут, что тебе всё равно, то отстанут, а если будешь постоянно реветь, то раздадорятся ещё пуще. Пойдём завтракать.

Кормили в детском доме, как и в любом режимном учреждении, строго по часам.

Завтрак состоял из манной каши и кусочка хлеба с чаем. Иногда давали масло или повидло, но только в редких случаях.

Галя немного поела и хотела выйти, но получила лёгкий подзатыльник сзади.

— Ешь,—сказала воспитательница,—тебе ещё в школу идти, обед не скоро будет.

Скоро она поняла, что съесть нужно всё, потому что голод мучил её постоянно. Питание было скудным, в определённые часы. И если дома она могла хоть сухарик погрызть в перерывах между принятием пищи, то тут таких привилегий не было.

На выходные она уходила к дядюшке и там уже ела впрок, чтобы на всю неделю хватило. Тётя Маруся не жалела для неё еды, но постоянно переживала:

— Что ж ты как голодная-то? Иди погуляй, потом придёшь — ещё поешь, а то того и гляди заворот кишок будет.

Но тётушка так вкусно готовила, что остановиться было невозможно. Чего только стоили её квашеная капуста и мочёные помидоры! У них в сенах постоянно на зиму засаливали целыми деревянными бочками огурцы, помидоры, грибы и капусту. Галя даже, бегая по улице с девчонками, нет-нет да и заскочит в сени, чтобы огурчик стянуть из бочки. А рядом с домом и в палисаднике росли ранетки и черёмуха — вот где объедение-то!.. Так бы там и сидела целыми днями.

Каждый день начинался с утренней гимнастики. Так не хотелось выкарабкаться из-под одеяла, но строгие воспитатели не давали проходу. Одно радовало: по утрам здесь не было холодно. Когда они жили с мамой, с утра в доме всегда стоял лютый холод, печка к утру остывала, стыла и хата.

«Надо бежать к умывальнику, — подумала Галя, — а то потом придётся дожидаться всех, ещё на завтрак опоздаю». Она провела в интернате уже почти два с половиной года. Её группу приставили к малышам. Кто-то из взрослых детей убирал комнаты, мыл посуду, помогал в прачечной стирать. А Галине повезло: работать с детьми — одно удовольствие. И ребятишки любили её, ждали всегда с нетерпением.

— Галь, почитай нам сказку, — заканючил Васька, двухлетний малыш.

— Сказку? С удовольствием... В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь. Любил всех детишек безумно, и поэтому у самого царя детей было аж пятнадцать. Как-то раз заболел он страшной болезнью, позвал к себе детей своих и говорит: «Всё, помираю я, детишки. Если хотите, чтобы я выздоровел, то пойдите и принесите мне огненной воды, чтоб я взбодрился, сладкого банана, чтобы я насытился, и травы-муравы, чтобы я окреп». Дети стали кричать наперебой: «Я, батюшка, я пойду!» — «Идите с миром», — сказал царь и уснул долгим сном. А дети посидели, подумали: «А как искать-то всё это? Ведь бананы-то у нас не растут, да и с водой туго дело». Разошлись по разным сторонам света, некоторые и до сих пор бродят. И только один, самый младший, никуда не пошёл. «Что толку, что я буду бродить по свету, а отец умрёт тем временем?» Чтобы вылечить

отца, ему понадобилась только любовь к нему. Заварил он обыкновенной крапивы, настоял в тепле и дал отцу напиться. «Что это, сынок?» — «Дак трава-мурава, батюшка-государь, всё как ты просил». — «А, да-да, спасибо, сынок. А огненная вода-то будет?» — «Да будет, конечно же». К вечеру натопил сын баньку и повёл отца париться. Парил-парил, всего веником исхлестал, а потом на улицу в снег его выкинул. Повалился царь на снегу, замёрз, а сын его обратно в баню, да кипяточком ошпарил, чайку горячего налил, да всё это с любовью да с терпением. На следующий день порядком подлечившийся батюшка кричит: «Сын, а бананы-то где? Есть хочу». — «Будут тебе, батюшка, и бананы. Только глаза-то закрой, а я тебя и покормлю». Наварил сын картошки в мундирах, посыпал сахаром сверху — ну и чем не бананы? Наелся дед и сразу вылечился. Вот и сказке конец.

— Соломатова, тебя спрашивают в коридоре, иди быстрее, — прокричала снизу вахтёрша.

Галя со всех ног полетела на выход. Внизу стояла Валентина. Скупно обняв сестру, она повела её в город.

— Пойдём погуляем, я тебя отпросила на сегодня.

— Валь, что случилось-то?

— Замуж я выхожу, в другой город уезжаю.

Валентина уже была замужем, и от первого брака у неё рос сынишка.

Галя заплакала:

— Опять ты меня одну оставляешь?

— Ну будет, будет, не реви. Я буду приезжать, а как выучишься, ко мне переедешь.

Галя обняла сестру; правда, ей пришлось наклониться, она уж давно переросла её. Валентина по-прежнему была малюсенькой, метра полтора ростом, не больше.

Жизнь шла своим чередом. Интернат был позади, Галине исполнилось уже пятнадцать лет, и дальновидная тётушка отправила её учиться в педагогическое училище на воспитателя.

— И в тепле всегда будешь, и опять же уважение тебе и почёт!

Так и порешили. Все четыре года учёбы Галина жила в доме у родных, на лето уезжала к Валентине, в другой городок.

Ох, свобода! Позади несколько лет учёбы, а впереди целая жизнь...

Теперь у Галины были образование и билет в будущее! Спасибо доброму и светлому ангелу во плоти — тётушке Марусе за её бескорыстную помощь и любовь всеобъемлющую!

Но всё хорошо в меру, и Галина понимала это. Надо самой дальше устраивать свою жизнь. Купив билетик на поезд, она понеслась к своей любимой и единственной сестре, самому дорогому человечку на этой земле.

Валя жила в небольшом городке со всей своей дружной семьёй. У неё был самый чудесный муж на свете, Владимир. Человек-гора, потому что и ростом его Бог не обделил, и статью, да и души был необыкновенной. В это время Валентина родила уже дочку, и дом был полная чаша. Конечно, в те времена это громко сказано: скорее, «полная чаша» означало — богатство духовное, хорошие отношения, любимые дети. А что ещё надо для тихого семейного счастья? Галина наконец попала в атмосферу любви и взаимопонимания, чего ей так не хватало в интернате.

Маленький любознательный сынишка Вали постоянно вился вокруг Галины.
— Галя, а ты мне игрушку какую-нибудь привезла?
— Андрюшечка, да где я тебе игрушки-то возьму? У меня же и денюжек-то нет. Вот заработаю и куплю тебе целый вагон игрушек!

Но Андрюшка уже убежал с глаз, чтобы любимая тётушка не увидела его слёзы. Галя пошла искать его и нашла возле забора. Андрюшка стоял, прислонившись носом к щели в заборе, и почти не дышал от страха, но тем не менее смотрел не отрываясь.

— Заяц, ты чего там увидел?

— Ничего я не заяц, — нехотя отстраняя нос от забора, ответил мальчуган. — Там собака, огромная!

— Смотри, откусит нос-то!

И тут Андрюшка завопил как подорванный, на его ор сбежалось всё семейство.

— Галина, ну ты даёшь, только приехала — и уже ребёнка обидела, — проворчала сестра.

— Да я ему и не сделала ничего. Ты чего орёшь? — строго прикрикнула на племянника Галя.

— Собаку хочу-у-у-у! — затаил Андрюшенька.

— Ах ты, паразит такой! А ну иди домой быстро, я тебе покажу собаку. Вот напугал-то.

Все, дружно расхохотавшись, пошли в дом, одному Андрюше было невесело. Страшно хотелось собачку, которая весила почти полцентнера.

— Андрюша, пошли в огород за морковкой.

И вот уже бежит малец за тёткой в огород, позабыв про все свои несчастья.

— Галя, смотри, там что-то шевелится в кустах.

В небольшом палисаднике росли кусты сирени, черёмухи и рябины. А под ними — крыжовник, почти в тени, и смородина. Пробираясь через царапающий крыжовник, они пошли смотреть, что там за чудовище притаилось, но там спряталась маленькая Оля. Сидела и тихонько ела смородину.
— Пойдём, я выведу тебя отсюда. И как ты только забралась-то сюда?

— Нет, я сама пойду.

Оля побаивалась эту незнакомую тётю, она ведь её ещё толком и не знала. Галя приезжала к ним только на лето, но в прошлом году Олечка была совсем ещё маленькой и не помнила её.

Но потихоньку ребёнок привыкал к своей тётушке, так неожиданно-негаданно свалившейся на её бедную голову. Мама и папа работали круглые сутки и Ольку поручили Галине. Она устроилась работать в детский сад воспитательницей, а Олю на радостях туда же определили, и Валя с чистой совестью вышла на работу.

Подружившись с девочками на работе, Галя стала пропадать по вечерам.

Подходило лето к концу, августовские денёчки были ошеломительно-прекрасными, потому что молодость, потому что всё плодоносит и радуется последним цветением. В садах опадали ранетки, яблоки. На грядках созревали последние пупырчатые огурчики.

— Галь, идём гулять, вечер такой замечательный, — завлекла подружка Вера.

— Да, сейчас Ольку отведу домой и приду к вам.

— Ну давай, будем ждать на нашем месте.

А место было на крыше старого сарая у Веры во дворе.

Забрав Ольгу из садика, Галя побежала домой.
— Тётъ, а тётъ, на ручки возьми, — канючила девчушка.

— Ну вот ещё! У тебя ноги-то для чего?

— Хочу на ручки, — горлачила Ольга до самого дома.

Валентина опять начала ворчать на сестру: роди, мол, сама и воспитывай своих детей.

Но Галя её и не слушала уже. На ходу схватив пару оладий, она стремглав понеслась на улицу.

На улице Галина вдохнула аромат вечернего воздуха и понеслась к своей дружной компании. Парни, Роман и Василий, уже сидели на заборе, дожидаясь девчонки.

— Привет, Галь! Чего одна?

— А что, Веры нет ещё?

Оглядываясь назад, Галина увидела бегущую Веруню. Девчонки обнялись, как будто век не виделись.

— Ну чего замерли? Чем займёмся? — спросила Вера.

— А пойдём грабить огороды? — произнёс Василий. — Я видел, у соседей огурцы прям у забора растут.

— Что, у тебя огурцов дома нет? — спросила Галина.

— Есть, но то ж свои, надоели.

И они понеслись на поиски приключений.

— Так, девчата, я перелезу через забор и буду вам огурцы кидать, а вы ловите, — сказал Ромка и полез за ограду.

Вера перелезла вслед за ним.

— Ты чего? А если нас увидят?

— Рви давай, а я передавать буду.

Ромка с упоением начал обдирать огурцы, а Вера перекидывала их на ту сторону. Вдруг из будки

не спеша вылезла хозяйская собака и огласила округу залиvistым лаем.

На шум выбежала хозяйка.

— Эй, кто там? — спросила она, вглядываясь в темноту.

Молодые люди бегом рванули через забор. Вера зацепилась платьем за гвоздик в заборе, и послышался характерный звук рвущейся ткани.

— Блин, я платье порвала. Как я теперь дома покажусь? Влетит мне.

— Ладно, потом об этом подумаем. Бежим.

И, схватив огурцы, они помчались на свой чердак.

— Галь, а платье-то моё испорчено совсем, и, наверное, по кусочку смогут догадаться, что я там была. Мы ж с тобой всё-таки воспитатели, попадёт нам.

— Да таких платьев пруд пруди в нашем городишке. Воспитатели что, не люди?

— Девчат, хорош страдать, давай в дурака поиграем, — Ромка раскладывал карты, громко хрумкая огурцом.

Гале не везло в карты.

— Надоело уже. Сколько можно меня в дураках оставлять? Вась, сыграй нам что-нибудь на гитаре.

Василий взял гитару, и полилась чудесная музыка. Пел Вася почти так же хорошо, как и играл.

Ты меня своим назови,
Разгони всю печаль-тоску,
Поцелуй для тебя — лови,
Мы с тобою ничем не рискуем.

Загляни в мою душу — печаль
Наполняет озёра синие.
Мне с тобой ничего не жаль,
Мы с тобой параллельные линии.

Галя слушала его, обмирая сердцем, и понимала, что поёт он ей одной.

«Неужели это моя судьба? Как знать, а вдруг ошибусь? Ведь так сложно разобраться в этой жизни. Да и люблю ли я его?» Галя прислушалась к своему сердечку, но оно молчало.

Провожал в этот вечер её почему-то Роман. Василия поволокла за собой Вера, им было по пути. — Галина, у тебя такие красивые глаза, — невнятно пробормотал Ромка. — Ты вообще сама вся такая красивая и светлая.

А Галя и сама знала, что она красивая. Большие карие глаза, брови вразлёт, пухлые губки и каштановые густые волосы. Фигуркой тоже ладная: тонкая талия, слегка полноватые, но стройные ножки.

Он потянулся губами к своей спутнице, но Галя увернулась и со смехом понеслась в ограду.

— Пока, Ромка, спокойной ночи!

Укладываясь спать в этот вечер, Галя всё никак не могла успокоиться. «Они как будто оба в меня влюблены. Что же делать, кого выбрать-то?»

Но примерно так же думала и Вера в этот вечер. Девчонки такие существа: каждый взгляд в свою сторону они принимают как воздыхание на свой счёт.

Осень пролетела незаметно. Зимними вечерами девчонки редко выходили на улицу, да и с парнями им обоим встречаться было неохота. Просто ходить по улицам, взявшись за ручки им было неинтересно, а слушать песни на чердаке зимой не очень романтично. Однажды Вере попалась статья, в которой приглашали молодых девушек и парней для работы в порту в городе Владивостоке. — Галь, смотри что я нашла, — Вера показала вырезку из газеты. — А давай с тобой рванём туда? На работу устроимся на корабль, будем плавать по морям-океанам, страны разные, города.

У Галины заколотилось сердце, как будто она уже и вправду попала на корабль; воображение рисовало морские пейзажи, заморские страны. Да и терять-то ей было нечего.

— Валя, я еду во Владивосток, работать, — в этот же вечер выдала Галина сестре.

— Да ты что, с ума сошла? Кто тебя там ждёт-то? Тут у тебя и работа, и семья. Мы уж к тебе приехали. Да и как я без твоей помощи-то? На кого я теперь Ольгу-то оставлю, кто её из садика забирать будет?

— Ну Валечка, ну пожалуйста, отпусти меня. Андрюша уже большой, он о сестрёнке позаботится. А я к вам, как и раньше, приезжать буду, подарки привозить из-за границы.

— Да кому ты там нужна, за границей-то? Кто тебя туда пустит?

Но Галина уже заболела романтикой путешествий, и остановить её мог только всемирный потоп.

Веру родители вообще заперли под замок. Пришлось дожидаться, когда все успокоятся и потеряют бдительность, да и вызов из Владивостока всё никак не приходил, а девушки отправляли туда запрос, так как это был закрытый город.

И вот наступил долгожданный момент: девчонки уволились с работы и, сев на поезд, отправились искать на свои головы приключения.

Поезд мчал на восток. В вагоне было холодно, девчата одели на себя всё, что можно было, сверху ещё и одеялом укрылись.

— Представляешь, Галя, уже через неделю-другую мы с тобой поплывём на каком-нибудь пароходе за границу. Ты будешь официанткой, а может, и горничной... — мечтала Вера, отбивая чечётку зубами. — Ага, а ты, наверное переводчицей? — съязвила Галина. — Дай Бог, если уборщицей-посудомойкой возьмут или каюты мыть-убирать.

— Ой, да хоть бы и так, зато по морю поплаваем!

— Походим.

— Что?

— Походим, говорят, а не поплаваем. Спи уже.

Галя не очень-то верила во всю эту авантюру, но отступить уже было некуда. Поездка предстояла долгая, около четырёх дней, а Вера своими мечтами утомила спутницу на вторые сутки. Было желание выйти и сесть на обратный маршрут.

— Девчата, берите пирожки, угощайтесь,— предложила соседка по купе.— Куда путь-то держите, горемычные?

— Мы, тётенька, едем в город Владивосток,— сказала Вера,— будем на пароходах, кораблях работать!

— Вот удивили! Да кто вас туда возьмёт-то?

— Ну как это? Мы в газете прочитали: требуются рабочие в морское пароходство!

— Ну, верно, девчонки,— рабочие. Это же, наверное, мужики нужны, чтобы на суше работать, а на корабль ещё попасть не всякому дано.

— Да ну, мы вот приедем и посмотрим,— стояла на своём упрямая Вера.

А Гале было уже совсем дурно от этих слов. Дурное предчувствие не покидало её до самого Владивостока.

«Куда едем, зачем? Только жизнь налаживать начала: работа, семья сестры. Как мне там было хорошо,— думала Галя. Очень хотелось поплакать, но никто никогда не видел Галиных слёз, и тут она не заплачет.— Приедем, посмотрим, а там видно будет»,— рассудила она.

И вот, после четырёх дней пути, они наконец приехали во Владивосток.

На улице, несмотря на март месяц, моросил мерзкий колючий дождь. Галя поёжилась, её предчувствие начинало сбываться.

— Какой неприятный город!

— Да ты что, Галечка! Посмотри, какой красивый вокзал!— не унималась позитивная подружка.

— Чем восхищается? Серость кругом!— вздохнула Галина.

Сняв комнатку возле вокзала, наскоро помывшись и побросав все свои чемоданы, девчата приступили к намеченному плану. Пошли по указанному в газете адресу, на улицу Алеутскую, в здание морского пароходства. Дальневосточное морское пароходство считалось одной из крупнейших российских судоходных компаний. Снаружи здание выглядело весьма величественно: трёхэтажное, в стиле романтического модерна, выполненное из кирпича, с балконами на консолях. Галя где-то читала, что построено оно было по заказу купца первой гильдии и почётного гражданина Владивостока Юлия Бриннера в 1910 году. Сердце сжалось от нехорошего предчувствия. Внутри по всему холлу пролегал красная ковровая дорожка. Было неудобно даже идти по этим коврам, шли на цыпочках, боясь замарать. Охранник строго окликнул их:

— Так, девушки, куда путь держим? Пропуск показывайте.

— Да мы на работу устраиваться,— пролепетала Вера.

— А, ну это вам на второй этаж, в отдел кадров.

Девчонки понеслись наверх, стгорая от нетерпения.

— Куда вас направить,— орал кадровик в отделе,— на какой корабль? Вы откуда тут нарисовались?

Потом поглядел на чуть не плачущих девчат и спросил строго.

— Документы какие-нибудь есть? Кроме паспорта, конечно.

— Вот,— дрожащим голосом выдохнули девчата и протянули ему дипломы об образовании.

Кадровик, глянув буквально одним глазом, довольно улыбнулся:

— Ну вот, с этого и начинали бы!

Быстро набрав чей-то номер, он затараторил: — Людмилочка Ивановна, вам воспитатели ещё нужны?.. Два!.. Так, всё, даю адрес, пусть прямиком и топают.

Быстро нацарапал адрес на листочке и, протягивая девчонкам, сказал:

— Вот, тут адрес, в нашем подшефном детском саду катастрофически не хватает воспитателей. Так что бегом туда. Корабль, хм-м...

Расстроенные девушки уныло побрели восвояси.

Начались прежние детсадовские будни, мечты о кораблях и далёких плаваниях уплыли так же быстро, как и приплыли в их безумные головы.

А на корабли девчата бегали смотреть к морю— действие тоже, надо сказать, завораживающее!

Молодость была ключом, девчонки с радостью принимали все её дары!

Танцы, молодые люди, одиноко вздыхающие им вслед. Да и как тут было не вздыхать от такой красоты?

— Галь, на танцы пойдём сегодня? В Доме офицеров сегодня что-то празднуют, меня пригласили знакомые парни.

— Да я устала, сегодня без напарницы работала, мне бы ноги вытянуть,— и Галина с надеждой посмотрела на свою кровать у стены.

Девчата уютно устроили свой быт: нехитрые покрывальца они привезли с собой и заправляли ими свои постели, на столе лежала скатёрка, которую Вера прихватила у своей матери. Чисто, уютно, от прежних хозяев им даже шкафчик достался. Вещей у девчонок было немного, да и те от сырости превращались в серые обноски. Погода во Владивостоке очень переменчивая: май и июнь— влажные, с большим количеством мороси и туманов, сменяющихся солнечными днями; наилучшая погода стоит в июле и в августе, хотя последний также отличается некоторым количеством непродолжительных, но очень сильных тайфунов,

крайне напоминающих тропические ливни. Да плюс ко всему ещё сильные пронизывающие ветра.

Галья со вздохом полезла доставать свои выходные туфли, но, открыв шкаф и увидев их там, она чуть не разревелась от обиды и отчаяния.

— Галь, ты чего там пыхтишь? Собирайся быстрее, а то мы опоздаем.

— Да куда мы опоздаем-то? Вообще никуда не пойду. У меня все туфли заплесневели.

— Ой, подумаешь—беда какая, сейчас укусом протрём и поставим на плиту, над чайником пошумим.

Отопление уже не работало, и Вера принялась с воодушевлением начищать Галины туфельки, да и свои заодно протёрла.

И вот наступил долгожданный миг: девочки подошли к зданию Тихоокеанского морского флота. Войдя в здание, они услышали чудесную музыку. — Вера, а кто это поёт? — шёпотом спросила Галина. — «Синяя птица»! Пошли быстрее!

В актовом зале их ждали молодые люди.

Не повторяется, не повторяется,
Не повторяется такое никогда!..
М-м-м-м-м-м-м..
Первая любовь, школьные года...

Сердце отбивало в такт музыке, которая проникала во все уголки сознания. Зачарованно наблюдая за всем происходящим в зале, Галина даже не услышала обращённых к ней слов:

— Разрешите вас пригласить на танец?

Уже играла другая музыка, не менее прекрасная:

Там, где клён шумит..
Поросло травой,
Поросло травой,
Поросло травой
Место наших встреч...

— Да, пожалуйста,—ответила она и пошла танцевать.

— Как вас зовут, прекрасная незнакомка?

— Меня—Галина. А вас?

— А меня—Владимир.

Они танцевали, пока не зазвучал «Белый теплоход». Владимир нехотя отпустил Галину и пустился в энергичный пляс.

Любопытная Вера подбежала, запыхавшись и краснея от своего нового ужасёра.

— Галечка, ну как всё прошло? Что он тебе говорил? Вы с ним познакомились?

— Да, конечно, познакомились. Он сказал, что его зовут Владимир.

— Что, и всё?

— Ну. А что ещё надо?

— Ну, он предложил тебе встретиться?

— Нет, а что?

— Галь, ну что ты такая скучная-то? Сама бы предложила.

— Ну вот ещё, больно надо.

— Да ты хоть знаешь, кто он?

— Офицер?

— Ну да! И что, тебе этого мало?

— Да не моё это. Посмотрим.

Всё чаще она выходила к воде, погулять, полюбоваться красотами Японского моря. Но ещё больше её притягивал причал, откуда можно было смотреть на корабли, уходящие в дальние плавания и просто стоящие в порту.

Временами они вместе с Верой прогуливались по городу, рассматривая его достопримечательности. Город раскинулся на живописных сопках по берегам бухты Золотой Рог, которая является превосходным местом для стоянки судов, размещения портов, судостроительных предприятий. В городе многое связано с морем и флотом. Иногда их заносило даже на фуникулёр, просто покататься вверх до сопки Орлиное Гнездо и обратно. Орлиное Гнездо—самая высокая точка города, откуда открывается красивейшая и неповторимая панорама Владивостока. Ну где ещё в СССР можно было покататься на канатной дороге?

В одну из таких субботних прогулок они случайно забрели в матросский клуб на танцы. Играла музыка, танцевали молодые морячки, служившие на Тихоокеанском флоте, и местные девушки. — Вера, посмотри, какие парни на нас смотрят! — Где?

— Да вон там, в уголке, один чёрненький, а другой светленький.

Когда Вера посмотрела в их направлении, молодые люди уже подходили к ним. Они тоже увидели двух незнакомых хорошеньких девушек и решили познакомиться.

Музыка играла что-то романтическое, в воздухе пахло чем-то непредсказуемо ванильным.

«Что это?—думала Галья.—Почему мне так хорошо?» Это ангел своим крылышком коснулся её щеки и тихо прошептал ей на ушко: «Вот он!»— «Где? Который?»— «А куда смотрит твоё сердце? Обратись к нему». Но сердце ещё не успело ничего отбить, как Он посмотрел ей в глаза, и она в них утонула. «Он?»—спросила она ангела. «Он!»—ответило её сердце.

— Юрий! Разрешите?—и он протянул к ней руку.

И Галья, не думая, шагнула...

«Горько! Горько!» Пела и плясала двойная свадьба. Галья нашла свою судьбу с Юрием, а Вера—с Виктором. Две сумасбродные путешественницы-воспитательницы выходили замуж за моряков четвёртой бригады подводных лодок. Девушки были в коротеньких белых платьях, с фатой до плеч, миниатюрные, нежные, воздушные создания, с обалденно красивыми морячками, которые

даже во время своего торжественного дня были в морской форме.

Подходила к концу трёхлетняя морская служба морячков. Встал вопрос: куда податься? Поехали к родителям Юрия в Читинскую область, станция Оловянная.

Галя пошла к морю — попрощаться навсегда со ставшими ей такими родными просторами. Волны методично подкатывали к берегу, отбиваясь обратно. А под сердцем у Гали уже притаилось маленькое чудо, которое наблюдало через призму внутреннего мира за великолепием мира внешне-го, за буйством морской стихии. И хотя многие скажут, что это невозможно, но это не так. Душа, которая живёт внутри материнской обители, — уже вполне самостоятельная основа бытия, и она умеет слышать, чувствовать и даже видеть всё! А некоторым удаётся даже запомнить эти мгновения и пронести их через всю свою жизнь.

Александра

А тут речь пойдёт о происхождении Галиной половинки, а вернее, матери Юрия — Александры.

Жизнь в деревнях никогда не была лёгкой и радостной, но в начале двадцатого века русский народ жил в состоянии постоянного стресса.

С самого начала 1928 года Сталин начал активно проводить разъяснительную и пропагандистскую работу. В январе во время поездки по Сибири он объяснял необходимость, вынужденность своих радикальных решений и действий:

«...Мы имеем в этом году нехватку, дефицит более чем в 100 миллионов пудов зерна... Он приведёт к тому, что наши города и промышленные центры, а также наша Красная Армия будут поставлены в тяжёлое положение... Урожай у вас высокий, можно сказать, небывалый. Хлебных излишков у вас в этом году больше, чем когда-либо, а план хлебозаготовок не выполняется. Почему, на каком основании?..

...Разве это не факт, что урожай у вас в этом году по Сибири почти такой же, как в прошлом году? Почему же вы считаете план невыполнимым? Посмотрите на кулацкие хозяйства... имеются хлебные излишки по 50–60 тысяч пудов на каждое хозяйство, не считая запасов на семена, продовольствие, на корм скоту...

...Если кулаки ведут разнужданную спекуляцию на хлебных ценах, почему вы не привлекаете их за спекуляцию? Разве вы не знаете, что существует закон против спекуляции — 107 статья УК РСФСР, в силу которой виновные в спекуляции привлекаются к судебной ответственности, а товар конфискуется в пользу государства?»

Можно обратить внимание на политтехнологичность речи Сталина: он ничего не говорил об экспорте зерна, его сокращении или невозможности,

а — о тяжёлом положении городов и Красной Армии. Сталин продолжал объяснять:

«...Что значит взвинтить цены на хлеб?... Это значит, прежде всего, подорвать зарплату рабочих (которая через одиннадцать лет после захвата власти большевиками ещё не достигла уровня 1913 года. — Р.К.)... Но в таком случае пришлось бы и поднимать цены на промышленные товары... Но на этом дело не кончается. Допустим, что мы подняли цены на хлеб процентов на 50–60 в январе или весной этого года, перед подготовкой к севу. К чему это привело бы? Мы дезорганизовали бы тогда сырьевую базу нашей промышленности. Хлопкоробы забросили бы хлопок и перешли бы на хлеб как на более выгодное дело. Льноводы забросили бы лён и перешли бы тоже на хлеб. Свекловоды поступили бы таким же образом... Короче, мы бы подорвали сырьевую базу нашей промышленности...

...Вот почему на спекулятивный удар кулачества по линии взвинчивания хлебных цен партия должна была ответить таким контрударом, который бы отбил охоту у кулаков и спекулянтов угрожать голодом рабочему классу и Красной Армии».

В данном случае Сталин имел в виду уже не 107-ю статью УК РСФСР, а организацию альтернативных производителей сельхозпродукции — колхозов и совхозов.

Тринадцатого февраля 1928 года Сталин направил обращение ко всем организациям ВКП(б) под названием «Первые итоги заготовительной кампании и дальнейшие задачи партии», в котором неудачи в хлебозаготовках были свалены «на места», на местные власти — краевые, областные, районные — и звучало требование ужесточения хлебозаготовок. Статья 107 УК РСФСР была принята в 1926 году, но до 1928 года на практике её не применяли. Теперь раздражённый Сталин стал подталкивать местные власти к её применению, к законным репрессиям, к применению законодательных «рычагов влияния», чтобы за счёт конфискации компенсировать недобор в заготовках и пугнуть кулаков, вынудить их к продаже государству продуктов своего труда. И по 107-й статье в 1928 году в СССР было уже осуждено примерно десять тысяч крестьян.

Крестьяне новую политику партии восприняли насторожённо, враждебно и «закрылись» в деревнях и сёлах — перестали не только продавать государству, но и возить свою продукцию на городские рынки. Это был их ответ и даже шантаж. Они это уже проходили при Ленине и заставили его смягчить политику, оставить их в относительном покое и пойти на уступки. Способ был простой, но очень эффективный: в городах через неделю уже почувствовался дефицит продуктов питания, а ещё через неделю, с пятнадцатого марта, советские власти были вынуждены в городах нормировать

продовольствие, чтобы прокормить рабочих; были введены ограничения и гарантированный минимум на потребление хлеба — «заборные книжки». В ответ негодующий Сталин, обозлённая советская власть с особым пристрастием занялись весенней хлебозаготовкой.

(Всё вышеизложенное взято из источника: Роман Ключник, «Сталин — период созидания. Гражданская война в СССР 1929–1933 гг.», — чтобы передать атмосферу того времени.)

Александра родилась в семье дочери зажиточного крестьянина (кулака) Натальи и простого бедного парня по имени Евсей пятнадцатого августа 1928 года и была последним ребёнком в семье. Наталья отличалась кротким нравом, была маленькой, худенькой, очень красивой женщиной, но черты её лица были скорее монгольскими, нежели европейскими. Смуглое лицо, миндалевидные карие глаза и чёрные волосы. Видимо, история её происхождения уходила корнями далеко вглубь. Монголо-татарское иго, существовавшее на Руси в течение двухсот лет (1243–1480 гг.), оставило после себя глубокий след и в истории, и в глубинной памяти людей. Евсей Калинин, отец Александры, был простым разнорабочим. Красивый голубоглазый парень. Многие девушки сходили с ума от его необыкновенно голубых глаз, но он выбрал маленькую изящную Наталью. Родители Натальи не были в восторге от выбора дочери, никак не могли избавиться от пережитков прошлого. За спиной была Октябрьская революция, все считались равноправными гражданами, но перестроить разум не так-то просто. Поэтому, уйдя со скандалом из семьи, Наталья лишилась родительского благословения, а с ним — всего остального, помощи родителей и их участия в воспитании внуков. Но когда начались всеобщая коллективизация и связанные с ней репрессии, Наталье и её семье удалось избежать наказания и гонений со стороны властей. Единственным богатством Евсея была лошадь, к которой он смастерил телегу и таким образом добывал лишний кусок хлеба для своей семьи. Перевозил продукцию (зерно, мясо с молоком) на сдачу государству.

Спустя два года после рождения Александры Наталья умерла от неизлечимой болезни. Евсей недолго горевал, да и детей надо было поднимать, поэтому в скором времени он женился на другой женщине.

Всё, что осталось Александре от матери, — это её портрет в восемнадцатилетнем возрасте и рассказы отца; сама она её не помнила.

Мачеха была классической по всем меркам подобного жанра: сухая, ворчливая и не красавица. Евсею пришлось работать ещё больше, так как с новой женой появились и другие дети. Она никогда не работала, но всё своё время проводила с детьми

и хлопотала по хозяйству. Александра, несмотря ни на что, с благодарностью вспоминала её, так как та научила её многим женским премудростям и мастерству.

В свои шестнадцать лет Александра умела хорошо шить, вязать и готовить еду. А что ещё нужно для молоденькой девушки на выданье? Женихи вились вокруг неё стаями, но её единственный был ещё далеко.

Занавески дождя расплескали апрельские лужи, На закате туманного дня обрывается миг.

Говорила судьба, что совсем уже ты мне не нужен. За прекрасным далёко твой образ в сознание возник. Календарным листком обернулись далёкие дали. Что исполнилось? Всё ли мечталось, моглось?

Позабыли, запурхались: всё ли от жизни мы взяли? Из мечтаний далёкого прошлого всё ли сбылось? Да не важно, мечта как кино: посмотрел — не запомнил... Ну а если в мечталось в сознание — скорее встречай! Открывай ворота и включай свои мысли на полную. А на столике в зеркале — суженый мой при свечах!

В одну из святочных январских ночей Александра по совету подружек решила погадать на суженого-ряженого. С вечера приготовила свечку и зеркальце. Выключила свет и при зажжённой свече стала вглядываться в зеркало. Глаза загуманились, очень хотелось спать, но он всё никак не появлялся, в зеркале играли блики от горящей свечи, волнуемой от дыхания Шуры. И вот, наконец, появился он! Шура от удивления аж глаза вытаращила.

«Неужто померещилось? Но нет, вот он, невысокий парень, и вроде как военный, — Шура судорожно сглотнула. — Повернись, дай посмотреть на лицо». Но зеркало в ответ только сверкнуло бликом свечи, и видение пропало. Всё, что она увидела, — это парня в шинели до пят, стоящего к ней спиной.

Немного времени прошло, как в посёлке появился Он. Шура шла в магазин за хлебом и встретила его. Ноги подогнулись, лицо запылало жаром, из рук выпала авоська. Сердце бешено колотилось в груди: неужели это действительно он?

— Девушка, вам нехорошо? — спросил Павел. — Да, да, сейчас пройдёт, голова закружилась.

Они разошлись в разные стороны, но уже навсегда связанные судьбой, роковой встречей, неизбежностью, которая настаивает нас в самый неожиданный момент нашей жизни. Кто-то не понимает знаков судьбы, игнорирует, проходит мимо, но тут всё случилось обоюдно. Молодые люди полюбили друг друга и в скором времени поженились. Для Шуры замужество казалось благословением Господним: несмотря на свой юный возраст, желание сбежать от нелюбимой мачехи перекрыло все страхи перед неизвестностью.

Шли нелёгкие послевоенные годы: голод, разруха в стране, восстановление сельского хозяйства.

Успешное выполнение хозяйственных задач первой послевоенной пятилетки давало возможность повышать благосостояние народа. В конце 1947 года в СССР была проведена денежная реформа. Находящиеся у населения старые деньги обменивались в соотношении десять к одному. Реформа преследовала цель ликвидировать последствия Второй мировой войны в области денежного обращения, восстановить полноценный советский рубль. Денежная реформа проводилась не за счёт народа, она не сопровождалась повышением цен на потребительские товары.

Павел оказался очень трудолюбивым мужчиной, он умел делать практически всё: и печки складывать, и строить дома, да и каменщик из него был неплохой. И поэтому, поженившись, они уехали на строительство молодого посёлка Охотска в Хабаровском крае.

Там у них один за другим родились дети: сначала Галина двадцать шестого февраля 1947 года, а затем, шестнадцатого декабря 1948 года, родился Юра.

Однажды, гуляя с детьми, Шура очень сильно испугалась за них.

— Ой, какая чернявенька девочка,— на ломаном русском языке обратился к Шуре местный кореец (их вообще в посёлке было очень много: то ли на строительстве помогали, то ли жили там испокон веков).

Он протянул палец, чтобы пощекотать девочку, но Шура прибавила шаг.

Галина родилась смуглой, черноволосой, с кирпичевыми маленькими, но очень красивыми глазками. И как многие в Шурином роду, так и сама Шура несла в себе черты монголоидной расы. Юра же, напротив, родился беленьким, светлокожим ребёнком—видимо, в отца. Да и волосы у маленького Юры были светлыми, пшеничными. Дети были очень красивыми, и поэтому гулять с ними было очень опасно. Иногда посылали погулять бабушку, мать Павла, но она всегда возвращалась с прогулок нервной и раздражительной:

— Опять на улице корейцы приставали. Ну прямо не знаю, что и делать, хоть со двора не выходи.

Однажды маленькая Галя решила поиграть в прятки и взяла с собой Юру. Они вместе играли, прятались во дворе друг от друга, и Галине пришла вдруг идея спрятаться от мамы и бабушки.

— Юра, пойдём в будку спрячемся, собачка всё равно на улице лежит, а мы с тобой тихонечко там поиграем.

Они залезли в будку и удобненько там устроились. Будка находилась в глубине двора, и вскоре во дворе наступила тишина. Встревоженные Шура со свекровью вышли посмотреть, почему стало так неожиданно тихо. Но от увиденного на улице у них обеих зашевелились волосы на голове. Кругом была пустота и щемящая тишина.

— Галя, Юра, вы где?

— Мама, посмотрите за двором, а я по сараям пробегусь.

— Да, да, пойду.

Через некоторое время они обе вернулись, обеспокоенные отрицательным результатом поисков. Шура села на крылечко и тихонько заплакала. Мысли в голове пронеслись одна чернее другой. «Может, их похитили всё-таки корейцы,— думала она в отчаянии,— а может, ушли к реке и утонули». — Мама, чего мы сидим-то? Надо поднимать людей, побежали к реке, может, дети где-то ждут помощи,— всполошилась Александра.

И они помчались к выходу со двора. И тут взгляд свекрови упал на собаку, вилиющую хвостом.

— Шура, подожди. Смотри, собака как-то странно себя ведёт, в будку поглядывает и не заходит туда, хотя на улице пекло.

Они подошли к будке, Шура заглянула внутрь: там мирно лежали, обнявши друг дружку, ребяташки и сладко спали.

— Ну, сейчас я им задам,— сказала рассерженная Шура, но свекровь остановила её:

— Не пугай, пусть поспят. Выспятся—сами вылезут. Нашлись ведь, живые, невредимые, слава Господу!

— Ну, как тут у вас дела?—спросил вечером Павел жену и матушку.

— Да всё бы ничего, да детей сегодня чуть не потеряли: спрятались, хитрюги, в будку и уснули там.

— Ну и ладно, все живы-здоровы—и хорошо. Мать, налей-ка мне немного водки.

— Да где же её взять-то?—ответила мать Павла.— Ты же вчера ещё всё выпил.

Она с мольбой посмотрела на невестку, но та только плечами повела. Павел последнее время стал выпивать и иногда даже буянил. Шура не связывалась с ним, считала, что попьёт да и перестанет, жизнь-то трудная, устаёт сильно на работе, да и дома забот полон рот.

Так и проходили дни за днями, накатывая по спирали.

— Собирайтесь, бабы,—сказал как-то Павел своим женщинам.—Поедем счастья искать в тёплые края.

— Да куда же это ты собрался-то, Павлуша? Как же так-то вот, с места в карьер?

— Предложили мне работу там. У нас прорабом хохол один работает, уезжает он домой, в Украину, нынче, меня с собой зовёт—на стройке работать.

И, собрав весь свой нехитрый скарб, они подались жить в Украину. Дорога предстояла длинная и выматывающая, но они преодолели все препятствия и зажили новой жизнью в другой климатической зоне, с другими людьми и отношениями. Там Павел продолжал иногда выпивать, приходилось много работать, чтобы прокормить семью. Да и слаб, видно, он был, не мог себе отказать. Шура

терпела все тяготы жизни, ведь детей надо было поднимать. Старшие дети были уже взрослые: Юра учился в училище и поэтому не поехал, Галина тоже училась. Поэтому семья уехала с двумя младшими детьми.

Шура подрабатывала тем, что шила платья и халаты на всю округу, да и себе и детям тоже нужно было что-то носить, поэтому всё её время было расписано по минутам.

— Шура, давай сегодня в кино сходим, в дк фильм новый показывают.

— А с кем же мы ребятишек-то оставим? — спросила Шура. — Да и дошить мне тут кое-что нужно.

— Да что у тебя, времени не найдётся? Завтра всё дошьёшь, а детей соседка присмотрит, большие уже.

— А что за фильм-то хоть?

— «Молодая гвардия»! Я билеты купил, давай-давай.

— Мы же смотрели его с тобой. Но чего уж, раз купил билеты — пойдём, — рассудила Шура. — Когда ещё представится такой случай?

Они сидели в предпоследнем ряду. На экране показывали молодых ребят, которые помогали бороться с фашистскими захватчиками; что-то

говорила Люба Шевцова, кажется, даже танцевала, несмотря на войну. А Шура наслаждалась обществом своего любимого мужа. Давно они не сидели вот так вот мирно, рядышком, вдвоём. Павел, как будто поняв настроение жены, взял её руку в свою. Так они и просидели весь фильм от начала до конца. На улицу вышли в приподнятом настроении, домой шли молча. Уже возле дома Шура остановилась, посмотрела с мольбой в глаза Павла и сказала:

— Павлуша, вот так бы всегда. Ты такой ласковый и нежный сегодня. Мы ведь семья с тобой, детишки у нас растут, не пей больше. Ведь нам хорошо вместе.

— Ну чего ты опять начала? Сказал же, что не буду больше пить. Не порти мне настроение на ночь глядя. Пойдём домой, спать. Ребятишек, наверное, уже уложили.

Дома было тихо, дети мирно посапывали в своих кроватках. Отпустили соседку и сели вместе пить чай. Шура больше не возвращалась к разговору, а Павел в ответ был ей очень благодарен за это. Подошёл к ней и нежно расплёл её волосы. — Пойдём, Шурочка, спать. Всё у нас будет хорошо, верь мне.